

Слуги сообщили, что мастер, который завтра будет проводить обряд, прибыл заранее вместе с двумя учениками для подготовки места. Тань Юмин вышел им навстречу:

— Буддийский наставник Хуэйцзин.

— Маленький благодетель Тань, благодетель Шэнь, — Хуэйцзин был человеком открытым и жизнерадостным, в нём не чувствовалось той скованности, что обычно присуща монахам. — Старого благодетеля Таня и старой госпожи нет дома?

— Они в загородной резиденции, приедут только завтра. Слышал, скоро начнётся храмовая ярмарка? Говорят, в пруду у храма Мацзу расцвели лотосы, и паломников стало больше, — Тань Юмин умел завести беседу даже с монахами. — Наверное, ученики уже собираются копать корни лотоса для постных блюд? Мастер Сюаньлин, должно быть, очень занят?

Сюаньлин был учителем Хуэйцзина. Это был человек глубокой веры и знаний, он даже путешествовал на гору Утайшань с лекциями. Ещё со времён деда Тань Юмина он отвечал за все семейные обряды и жертвоприношения. Под его руководством строились многие семейные храмы и возводились статуи божеств на горе Баоцзин.

— Учитель последние полгода читает сутры в храме Тин Хау и монастыре Цзышань.

Сказав это, Хуэйцзин спросил Тань Юмина:

— Маленький благодетель Тань, та яшма при тебе? Если да, можешь отдать её мне. Я отнесу её в храм для молитв и освящения. Если нет, то завтра, в четырнадцатый день седьмого месяца, когда Владыка Земли прощает грехи, наступит самое подходящее время.

Прозвище «Яшмовый Тань» возникло не только ради шутки. Когда Тань Юмину не исполнилось ещё и ста дней, старик Тань пригласил Сюаньлина, чтобы тот предсказал судьбу внука и помог обрести благословение. Сюаньлин тогда заключил: у молодого господина редчайшая судьба. Его гороскоп подобен солнцу в зените, несущему тепло и свет, а благодать его тени распространится на тысячи ли. Это была в высшей степени счастливая участь.

В благодарность за то, что семья Тань поколениями жертвовала благовония и восстанавливала храмы, Сюаньлин подарил мальчику яшмовый оберег. Эту яшму он освятил лично.

Сам Тань Юмин относился к этой вещице спокойно, но старик Тань придавал ей огромное значение. В детстве Юмин однажды случайно потерял яшму. После этого её стали класть под подушку. Но в этот раз после выписки из больницы он сразу поехал на гору Баоцзин, и яшма, кажется, осталась в доме на улице Цзошидэн.

Шэнь Цзуннянь внезапно сказал Хуэйцзину:

— Она здесь. Подождите немного, наставник, я сейчас принесу.

Тань Юмин и не знал, когда тот успел забрать яшму. Шэнь Цзуннянь быстро вернулся с оберегом. Хуэйцзин внимательно изучил чистоту и прожилки белого камня, но ничего не сказал.

Шэнь Цзуннянь бесстрастно следил за выражением его лица, но ничего не смог прочесть.

Хуэйцзин убрал яшму и вместе с учениками принялся обустраивать место для обряда. Когда подготовка была закончена, он сверился с Тань Юмином по последнему документу:

— Маленький благодетель Тань, этот этап обряда возжигания благовоний... тут нет ошибки?

Тань Юмин взглянул и улыбнулся:

— Всё верно. Делайте именно так.

Хуэйцзин не стал спорить. Шэнь Цзуннянь тоже промолчал.

Они проработали до сумерек. Когда монахи собрались уходить, Шэнь Цзуннянь вызвался их проводить. Почти у подножия горы он всё же спросил:

— Наставник Хуэйцзин, с этой яшмой ведь нет никаких проблем?

Хуэйцзин усмехнулся:

— Благодетель Шэнь хочет спросить о яшме или о человеке?

Шэнь Цзуннянь ответил прямо:

— Некоторое время назад он лежал в больнице, его здоровье пошатнулось. Связано ли это с оберегом?

Хуэйцзин всё так же улыбался:

— Благодетель Шэнь, вы ведь не верите в такие вещи?

Шэнь Цзуннянь замер. Он действительно ни во что не верил. Но когда дело касалось Тань Юмина, он боялся не верить.

Хуэйцзину и не нужен был ответ:

— Это неважно. О делах судят по поступкам, а не по помыслам. Верите вы или нет, искренне или притворно — за эти годы семья Тань пожертвовала храму столько благовоний, что их искренность очевидна. Мы будем молиться от всего сердца.

— У благодетеля Таня блестящая судьба, он под защитой божеств. А вот вам, — он поднял глаза на Шэнь Цзунняня, — в ближайшее время стоит быть осторожнее в поездках. Опасайтесь оказаться в заточении.

Услышав, что с Тань Юмином всё в порядке, Шэнь Цзуннянь успокоился:

— Спасибо, мастер.

По правилам, старший внук, возглавляющий великое жертвоприношение, должен провести ночь на горе. В полночь, в час Крысы, необходимо возжечь первые благовония в родовом храме и святилище предков на самой вершине горы Баоцзин.

Постройки на горе располагались ярусами: чем выше, тем древнее было родовое поместье.

Хотя здесь заранее прибрались, в доме долго никто не жил. В комнатах было сыро, холодно и неуютно. Шэнь Цзуннянь не решился оставить Тань Юмина одного и остался с ним.

Родовому храму было почти сто лет. Сюда стекались все ветви рода, здесь же стояли статуи божеств, установленные на общие средства семей. Место казалось мрачным и пустынным.

Они остановились в боковой комнате для дежурных. Шэнь Цзуннянь вышел из душа и увидел Тань Юмина, который стоял у двери, прислонившись к стене. Вытирая волосы полотенцем, Шэнь Цзуннянь спросил:

— Боишься?

Тань Юмин покачал головой. Шэнь Цзуннянь кивнул на дверь:

— Иди мойся. Я буду здесь.

Тань Юмин принял душ. После тяжёлого дня его одолела усталость, он даже волосы сушил вяло.

Шэнь Цзуннянь взял дело в свои руки. Тань Юмин сел, раздвинул ноги и опустил голову, позволяя тому делать всё, что нужно.

Почему-то Юмину вдруг захотелось закурить. Возможно, из-за того, что завтра он собирался бросить вызов семейным традициям. А может, из-за какого-то неясного предчувствия будущих препятствий, которые он уже ощущал кожей.

Но, к счастью, у него был Шэнь Цзуннянь. Они были несокрушимым союзом, соратниками, на которых можно положиться.

Шэнь Цзуннянь всегда будет на его стороне. С этой утешительной мыслью Тань Юмин легонько дёрнул его за пояс халата.

Рука Шэнь Цзунняня на мгновение замерла. Прямо за стеной, в соседнем святилище, выстроились поминальные таблички предков. Тринадцать огромных золотых статуй божеств словно пронзали его спину острыми, как пламя, взглядами.

Шэнь Цзуннянь опустил глаза, перехватил руку Тань Юмина и холодно произнёс:

— Сиди смирно.

Тань Юмин был в смятении. Он прижался лбом к его животу и, не открывая глаз, пробормотал какую-то чепуху:

— Я нервничаю.

— О чём тут нервничать, — Шэнь Цзуннянь взял его за затылок и заставил выпрямиться. — Ни о чём не думай. Иди спать. В двенадцать я тебя разбужу.

В полночь, когда в горах воцарилась тишина, Тань Юмин встал, чтобы возжечь первые благовония и «открыть двери посланникам Владыки Земли».

После благовоний пришло время подносить светильники. Всего было тридцать шесть каменных башен-фонарей. Шэнь Цзуннянь зажигал огонь, а Юмин ставил светильник. Горный ветер завывал, сбивая синее пламя в сторону. Огонь едва не обжёг пальцы Тань Юмина. Забыв о предках и богах, Шэнь Цзуннянь резко перехватил его руку, и горячие капли воска упали прямо ему на ладонь.

Тань Юмин в испуге схватил его за руку.

— Ничего страшного, — сказал Шэнь Цзуннянь. — Зажигай.

Тань Юмин приказал:

— Разожми ладонь.

Он ещё не вступил в права официально, но властность уже начала проявляться. Шэнь Цзунняню пришлось подчиниться. Волдырей не было, кожа просто покраснела.

Тань Юмин внимательно осмотрел ожог. Шэнь Цзуннянь отнял руку:

— Не болит. Зажигай фонари.

Красный свет свечей озарял их лица. В тишине горной ночи стук сердец казался оглушительным.

Шестнадцать лет назад двое мальчишек поклонялись Мацзу и сажали дерево бодхи. Шестнадцать лет спустя они возжигают первые благовония и подносят светильники. С этого момента процветание или упадок клана тяжёлым грузом легли на их плечи.

Глядя прямо в глаза статуе Бодхисаттвы, Тань Юмин мысленно произнёс: «Эти благовония — подношение не только от меня. Вы тоже должны оберегать Шэнь Цзунняня, чтобы его жизнь была мирной и гладкой».

Когда три курильницы были полны лotosовых свечей, они вернулись в комнату, но сон больше не шёл.

Цветы коричневого дерева в пустом дворике, затейливые расписные потолки, величественные и милосердные лики богов — всё это смешалось в тягучем сне. В первом свете праздника Чжунъюань Тань Юмину явилось не золотое тело Будды, а смутное лицо.

Во сне Юмин ещё не успел разогнать туман и разглядеть, кто это, когда Шэнь Цзуннянь разбудил его.

Первые лучи солнца уже взобрались на вершину горы, окрашивая карнизы храма в предрассветные цвета. Мужчины посмотрели друг на друга и на мгновение замолкли.

Шэнь Цзуннянь бросил взгляд на простыню и негромко спросил:

— Как давно ты не «разряжался»? — Хотя он и опекал Юмина, в такие дела никогда не вмешивался.

Тань Юмин нахмурился. Эти слова ему совсем не понравились. Он и сам ничего не понимал: то морская конференция, то этот праздник Чжунъюань — давление было слишком сильным. Если бы Шэнь Цзуннянь не разбудил его так не вовремя, он бы вот-вот разглядел то лицо...

Тань Юмин отвернулся и недовольно буркнул:

— Что ты имеешь в виду?

Шэнь Цзуннянь не собирался гадать, о ком тот фантазировал. Гости уже начали прибывать к подножию горы, поэтому он решительно произнёс:

— Иди переодевайся. Я найду возможность забрать простыни с горы. Никто не узнает.

В таком священном месте подобные слухи могли не только ударить по репутации, но и стать поводом для серьёзных обвинений в нарушении приличий.

Шэнь Цзуннянь решал проблемы хладнокровно. Тань Юмина это злило, и ему было неловко.

— Не надо, я сам всё сделаю.

Шэнь Цзуннянь не понимал, почему тот кипятится:

— И как ты это сделаешь? Сегодня все глаза будут прикованы к тебе как к главному распорядителю.

Тань Юмин не знал, откуда взялось это раздражение, и не находил ему выхода. Он съязвил в ответ:

— А ты как? Если понесёшь их вниз, всё равно все увидят.

— Я их постираю, — ответил Шэнь Цзуннянь. Даже если простыни придётся выбросить, их нужно было сначала отстирать.

Тань Юмин вытаращился на него. Но, вспомнив, что в детстве Шэнь Цзуннянь стирал даже его первое испачканное бельё, он лишь холодно хмыкнул: «Делай что хочешь», и ушёл в ванную переодеваться.

Пока Шэнь Цзуннянь молча сворачивал простыни, обида в груди Тань Юмина никак не проходила. Он решил показать, кто здесь главный:

— Шэнь Цзуннянь!

Шэнь Цзуннянь обернулся и увидел Юмина с остатками зубной пены у рта. Тот ткнул в него пальцем:

— Если об этом узнает хоть одна живая душа, я тебе устрою!

— ...

Прямые наследники и представители боковых ветвей один за другим прибывали к храму предков на экскурсионных карах. В девять пятнадцать утра великое жертвоприношение официально началось.

Наставник Хуэйцзин призвал небесных богов. Он читал мантры и сутры, пел славословия, закладывая основы для грядущего благополучия.

Всё шло своим чередом, пока не наступил последний этап — возжигание благовоний. Хуэйцзин сверился со списком и первым выкликнул имя Тань Юйлинь. Лица присутствующих исказились от удивления.

По старым правилам, первые благовония должен возжигать старший внук. Вышедшим замуж дочерям это вообще не полагалось. Но Тань Юмин всё изменил: его не волновал ни пол, ни семейное положение — только возраст.

Послышались шепотки, но раз уж старик Тань и Гао Шухун промолчали, остальные не посмели возразить.

Тань Юйлинь, которая в последнее время была в центре скандалов, поняла, что это знак поддержки от Тань Юмина. Она, не колеблясь, вышла вперёд и первой совершила обряд.

Вторым был Шэнь Цзуннянь. Когда наставник произнёс его имя, толпа снова заволновалась.

Шэнь не носил фамилию Тань. Раньше он лишь кланялся богам, но не участвовал в жертвоприношении предкам. В конце концов, это были предки семьи Тань. Но в этом году Тань Юмин включил его в общий список.

Тань Цичжэн украдкой взглянул на Тань Чжуншаня. По лицу того и Гуань Кэчжи было непонятно, знали ли они об этом заранее.

Лишь третьим шёл сам Тань Юмин. Далее — по старшинству, вплоть до Тань Цзуи... Завершил дневную церемонию самый младший из нового поколения, Тань Долэ.

Вечером был запланирован семейный ужин в саду на склоне горы. Пруд зарос летней травой, лотосы были в полном цвету. После ужина можно было спустить на воду речные фонарики, прося о благословении.

За столом собралось около двадцати человек. Масштаб не тот, что на юбилее старика Таня, но

всё равно было шумно. Разговоры неизбежно свелись к замужеству Тань Юйлинь. Стало ясно: потеря семьи Цзэн как союзников — дело решённое. Значит, нужно искать поддержку в другом месте.

Тётушка из третьей ветви шутливо заметила:

— Цзуннянь в этом году почтил наших предков. Когда же мы станем ещё ближе через брак?

Хотя Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин сейчас были как названные братья, кровное родство или брак — узы куда более прочные.

Она подала пример, и другие невестки тут же подхватили идею, стараясь выгадать выгоду для своей ветви.

В семье Тань только Тань Чжуншань и Тань Цичжэн были родными детьми старика Таня и Гао Шухун. Остальные — боковые ветви. Влияние их семей уступало власти Гуань Кэчжи, зато у них было полно незамужних племянниц и кузин подходящего возраста.

Раз уж старик так ценит Шэнь Цзунняня, родство с ним помогло бы им выбиться в лидеры.

Тань Юмин слушал это с бесстрастным лицом. Он снова отчётливо и остро осознал: Шэнь Цзуннянь на самом деле не принадлежит ему по праву природы.

Даже если Тань Юмин наплевал на устои и нарушил правила предков, позволив ему войти в храм и почтить праотцов Таней, Шэнь Цзуннянь всё равно не принадлежал ему целиком и полностью.

Стрекот цикад в саду действовал на нервы. Пока остальные весело болтали, Тань Юмин, застигнутый врасплох этой атакой, небрежно отложил палочки и с холодной улыбкой произнёс:

— Шэнь Цзуннянь старше меня. Если он женится на какой-нибудь сестрице, мне придётся звать его «зятем». Неужели вы хотите так запутать наше семейное древо?

<http://bllate.org/book/17117/1617184>